

«Я» И «МЫ» В КУЛЬТУРЕ И ПОЭЗИИ

Как отмечает Н.Д. Арутюнова в книге «Язык и мир человека» [Арутюнова 1999, 327], В.В. Виноградов первым в отечественном языкознании обратился к изучению проблемы человека по данным языка. В 1946 г. он опубликовал небольшую статью под названием «Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в.» [Виноградов 1946]. В ней в тезисной форме были намечены основные этапы развития представлений о человеке в русском и – шире – восточнославянском национальном сознании. Это был конспект более обширного исследования, увидевшего свет только в 1994г. [Виноградов 1994].

«В древнерусском языке, – писал В.В. Виноградов, – до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к Богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству и родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Отдельные признаки личности были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек, людие, ср. людин, лице, душа, существо* и некоторые другие). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие ... об отдельном человеческом "я" как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемов портрета и т. п.)» [Виноградов 1946, 10]. Хотя само слово *личность* вошло в обиход во второй половине XVII в., его современное значение оформилось только в 20-30-е гг. XIX в. В.В. Виноградов так формулирует это значение: «монада, по-своему, единственно ей свойственным образом воспринимающая, отражающая и создающая в себе мир» [Виноградов 1994, 273].

Таким образом, в слово *личность*, как показывает В. В. Виноградов влились многие из тех значений и смысловых оттенков, которые развивались в разных европейских языках у многочисленной группы слов, восходящих к лат. *persona* и *individuum* [Виноградов 1946, 10]. При этом учеными, начиная с В.О. Ключевского, отмечается следующее. Русские отказываются от индивидуального в пользу коллективного, группового. Согласно русской традиционной этике, *человеки украшают скромность*. Производящее прилагательное *скромный* значит 1. 'лишенный тщеславия, высокомерия, не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг' и в то же время 'непритязательный, не предъявляющий больших требований, довольствующийся малым'; 2. 'сдержанный в обращении, поведении, в словах,

поступках»: 3. 'не бросающийся в глаза, не привлекающий внимания, простой' [МАС IV: 122]. Ср. у Б. Пастернака:

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.

...
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.
В том же стихотворении читаем:
Но надо жить без самозванства...
И далее:
И окунаться в неизвестность.
И прятать в ней свои шаги.
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

[Пастернак 1989, II: 74].

Сохранился и другой вариант этой строфы:
Как плавает в тумане местность
И в ней не различить ни зги.
Таинственная неизвестность
Пускай хранит твои шаги.

[Пастернак 1989, II: 633].

В этом смысле Борис Пастернак – очень русский автор.
Словно вторит ему Анна Ахматова:
Молитесь на ночь, чтобы вам
вдруг не проснуться знаменитым.

[Ахматова 1989: 436].

Мотив испытания славой – один из важных в ахматовской поэзии, а приведенные строки являются наброском 1960-х годов так и не написанного стихотворения (заметим, А. Ахматовой в ту пору было уже больше семидесяти лет). Именно Ахматова предсказала А.И. Соженицыну мгновенную всемирную славу и опасалась, выдержит ли он ее. Возможно, эти строки родились именно после разговора с писателем и в прямой связи с ним. «Пастернак не выдержал славы, – говорила она Солженицыну. – Выдержать славу очень трудно, в особенности позднюю» [Кормилов 1999: 27].

Другой гениальный поэт – М. Цветаева – в 1913 году, в 21 год, пишет:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

[Цветаева 1990: 23].

Но уже в 1923 году, когда автору перевалило за 30, в стихотворении «Прокрасться» она размышляет:

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить теги

На стенах...

И заключает:

Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод...

[Цветаева 1990: 310-311].

Таким образом, скромность в славянской культуре противопоставляется тщеславию, то есть тщетной славе. Как пишет в одной из своих работ В.В. Колесов, славу в Древней Руси мог получить только мертвый. Не случайно слово *слава* – исторически одного корня

со словом *слух*, то есть слава распространялась на слух и уже о том, кого нет среди живых, но о ком помнят. Живому же полагался только почет.

Само слово *скромность* – того же корня, что и *укромность*. При этом *скромность* отнюдь не означает *скрытности*, *закрытости*. В человеке цениться *откровенность*, но без самолюбования, без выставления себя напоказ. Неслучайно древнерусское слово *позор* – первоначально ‘всеобщее обозрение’, устар. ‘зрелище’ – развивает негативную коннотацию: ‘постыдное, унижительное положение, вызывающее презрение; бесчестье’.

Таким образом, в русской культуре конкретная личность в социальном и аксиологическом (ценностном) плане всегда оказывается ниже общества (*Один в поле не воин; Всяк кулик в своем болоте велик*).

Конечно, в нашей литературе найдется немало примеров, казалось бы, доказывающих веру автора в собственную исключительность. Так, Игорь Северянин (Лотарёв) в цикле «Эпилог», состоящем из двух стихотворений, пишет:

*Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно озкранен!
Я повсесердно утвержден!
От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покори́л литературу!
Взорил, гремящий, на престол!*

[Северянин 1988: 190].

Как справедливо пишет в своих комментариях В.А. Кошелев, строчка «Я, гений, Игорь Северянин...», воспринятая вне контекста стихотворения, во многом определила основной тон отношения широкого читателя к Игорю Северянину – ироническую усмешку превосходства. «Северянщина» в нашем представлении выступает как некий апогей самомнения и самовосхваления – того, что никогда не славилось в российском обиходе [Кошелев 1988: 5].

Однако обратим внимание на название стихотворения – «Эпилог», по сути – подушутливый некролог, написанный в адрес себя самого, на что указывают последние строки: *В ненастный день взойдет, как солнце, Моя вселенская душа!* Подушутливое восприятие собственной гениальности отмечено и следующими строками:

*Схожу насмешливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые доли,
Презрев ошеломленный Рим.
И далее – уже всерьёз:
Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий – говор хат.*

[Северянин 1988: 191-192].

Отметим и контекстуальное противопоставление *друг* великих – *брат* ничтожных. С точки зрения ритмики строки, ничто не препятствовало автору написать: «*Ничтожных друг, великих брат*», однако И. Северянин пишет иначе, и неслучайно. В нашей культуре слова *друг* и *брат* при всей близости значений всё же неравнозначны. Ещё в Древней Руси слово *брат* обозначало не только брата по крови, но и единомышленника, союзника, ближнего. При этом *брат* – это всё же больше, чем просто *друг*, поскольку оно характеризует более близкие отношения, которые можно приравнять к отношениям кровного родства. И Северянин в своем стихотворении передает ощущение своего кровного родства с простым – *ничтожным* – человеком, откуда и его стремление к *говору хат*.

Это стихотворение перекликается с пушкинским «Памятником», написанным на тему оды Горация «К Мельпомене».

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа.

...

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...
И конец стихотворения столь же показателен:
Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глумца.*

[Пушкин I: 586].

А в сонете «Поэту» автор призывает:

*Поэт! Не дорожи любовью народной<...>
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

[Пушкин I: 474].

Таким образом, ни у А.С. Пушкина, ни у И. Северянина нет и намека на тщеславие и «самозванство». Есть лишь желание остаться в памяти потомков словом, мыслью, чувством.

И эта традиция продолжается в литературе двадцатого века.

Так, русский поэт, переводчик, редактор, близкий друг Анны Ахматовой Мария Петровых, знакомая с ведущими российскими поэтами, сама почти всю жизнь оставалась в тени. Единственное прижизненное издание её стихов увидело свет, когда автору было уже шестьдесят лет, притом, что стихи она писала с детства и сама рано осознала себя поэтом. О процессе творчества в свои тридцать пять лет она напишет:

*Мы начинали без заглавий,
Чтобы окончить без имен.
Нам даже разговор о славе
Казался жлоком и смехом.*

[Шуламит Шалит <http://www.akhmatova.org/persons...>]

Эти строки перекликаются с её дневниковыми записями:

*При жизни я была так глубоко забыта,
Что мне последнее забвенье не грозит.*

Неслучайно в своем посвящении Арсению Тарковскому Давид Самойлов так пишет о Марии Петровых:

*Мария Петровых да ты
В наш век безумной суеты
Без суеты писать умели<...>
Убереглись от искушений
И в тайне вырастили стих.*

[Там же].

И именно это «в тайне» так высоко оценено современниками и потомками, поскольку согласуется с одной из базовых культурных установок нашей культуры, согласно которой человек, вне зависимости от собственных заслуг и степени одаренности, должен оставаться скромным и бежать от тщетной славы.

Литература

1. Ахматова А.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Составление В.В. Рудакова, научное консультирование канд. филол. наук А.А. Ачатовой. – Томское книжное изд-во, 1989. – 544 с.

2. Кормилов С. «Мы забыли, что такие люди бывают». Ахматова и Солженицын /С. Кормилов // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 25-29.
3. Кошелев В.А. Поэт с открытой душой // Северянин И. Стихотворения / Сост., вступ. Статья и примеч. В.А. Кошелева. – М.: Сов. Россия, 1988. – С.5-26.
4. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах. Т.2. Стихотворения 1931-1959; Переводы / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачев, Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. – М.: «Худ. литература», 1989. – 703 с.
5. Пушкин,А.С. Сочинения в трех томах. – М.: «Худ. литература», 1985.
6. Северянин И. Стихотворения / Сост., вступ. Статья и примеч. В.А. Кошелева. – М.: Сов. Россия, 1988. – 464 с.
7. Цветаева, М.И. Осыпались листья над вашей могилой: Стихотворения, поэмы. – Казань: Татарское кн. Изд-во, 1990. – 542 с.
8. Шуламит Шалит «Назначь мне свиданье на этом свете...» (О поэте Марии Петровых) // [http:// www.akhmatova.org/persons/etrovyyh.htm](http://www.akhmatova.org/persons/etrovyyh.htm)